

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

DOI 10.24411/2076-8176-2020-12012

Книга о «забытой войне»

И.В. Зимин, А.А. Журавлёв

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия; crane_62@mail.ru

В 2014 г. мировое сообщество отметило печальный юбилей — сто лет с начала Первой мировой войны. Последующие четыре года проходили под знаком дальнейшего анализа войны, которая имела огромные политические, экономические, социальные и другие последствия для всех участников.

Совершенно очевидно, что глобальные войны не только меняют и приспосабливают «под себя» все государственные и общественные институты, но и формируют между ними новые связи. Собственно, этим многогранным изменениям и посвящён коллективный труд «Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны»¹, в котором предпринят комплексный анализ институциональных изменений, происходивших в сфере образования и науки в годы Первой мировой войны. Следует отметить, что в том же году появилась коллективная работа, посвящённая высшим учебным заведениям Петрограда в годы войны, которая дополняет положения, выдвинутые авторами в своей книге².

В начале XX столетия Российская империя, как и другие европейские страны, впервые столкнулась со столь масштабными событиями, получившими название

¹ Колчинский Э.И., Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Ретунская С.В., Самокиш А.В. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с. ISBN 978-5-4469-1515-6.

² Вузы Петрограда в годы Первой мировой войны. СПб.: ИПЦ СПбПУ, 2018. 310 с.

© Зимин И.В., Журавлёв А.А., 2020

«Великой войны». Эта масштабность нашла своё отражение в концептуальной задаче материала, поскольку события, факты и имена, имевшие место в Российской империи, сравниваются с аналогичными событиями, фактами и именами, имевшими место в других европейских странах, прежде всего в Германии. Это совершенно справедливый посыл, поскольку только на этом фоне наглядно проявляется процесс создания мобилизационной модели организации науки и связанной с ней перестройки системы взаимоотношений учёных с властью и обществом.

Если обратиться к самой монографии, то следует подчеркнуть, что это серьёзная по объёму книга 48,75 печатных листа, или 668 страниц, очень плотного по своей информативности текста, включающего обширный список литературы (с. 546–606), список сокращений (с. 607–608) и именной указатель, раскрывающий не только фамилии, но имена и специальности большинства персонажей (с. 609–668).

В рецензируемой монографии впервые в отечественной историографии сделана вполне успешная попытка комплексного анализа влияния Первой мировой войны на мотивацию, структуризацию и самоидентификацию российского научного сообщества и его институтов. При этом трансформация научных и образовательных учреждений России под влиянием Первой мировой войны анализируется как процесс создания некоей мобилизационной модели взаимоотношения власти и научных сообществ.

В контексте предпринятого анализа авторам, несомненно, удалось введение монографии, в котором дан тщательнейший обзор историографических наработок по заявленной тематике. Для исследователей, занимающихся этой проблематикой, несомненно, будет интересен критический анализ как российских, так и зарубежных работ. Отметим, что авторы используют широкий круг таких малотиражных источников, как материалы различных конференций, посвящённых различным аспектам истории Первой мировой войны.

Хотелось бы отметить и то, что авторы, заявив о годах Первой мировой войны как хронологической сердцевине исследования, совершенно справедливо делают хронологической точкой отсчёта заявленной проблематики рубеж XIX — начала XX века. Первая глава так и называется «Российская наука и власть на границе веков», в подзаголовке прибавляя ещё и «общество». А конечная точка исследования — фактически Вторая мировая война (как для СССР, так и для Германии), поскольку, как справедливо указывают авторы, именно тогда были востребованы многие модели во взаимоотношениях науки и власти, «обкатанные» в годы Первой мировой войны и ставшие основой для советской модели мобилизации науки.

В первой и второй главах авторы обозначили «болевы точки» в исторически непростых взаимоотношениях власти и общества: «Начало политического противостояния академического сообщества и власти»; ««Бунтующие» университеты и Академический союз»; «Хождение ученых во власть» и т. п. При этом хотелось бы отметить, что авторам удался многоуровневый подход в освещении заявленной проблематики, в котором имеются как перипетии судеб отдельных учёных и учебных заведений, так и особенности государственной политики, связанной с деятельностью С.Ю. Витте, П.А. Столыпина и меняющихся министров народного просвещения. При этом авторам удалось показать, насколько велико было политическое расслоение во взглядах на будущее страны среди ученого сообщества: от крайне левых воззрений до ультраконсервативных.

Опираясь на приведённые многочисленные факты, авторы, говоря о предвоенных годах, справедливо констатируют, что:

<...> в сложные предвоенные годы довольно успешно шло становление новой для России системы организации науки, включавшей как государственные, так и негосударственные учреждения, финансируемые за счет частных средств. Несмотря на свою оппозиционность правительству, ученые активно сотрудничали с ним в решении важнейших экономических и оборонных вопросов³.

Смысловой сердцевиной монографии является её вторая часть: «Защита Отечества и мобилизация науки во имя победы (июль 1914 — февраль 1917 г.)». Авторы на многочисленных примерах, касающихся различных областей науки, констатируют, что именно после 1914 г. научное сообщество было максимально нацелено не только на обеспечение фронта и тыла сырьём и продовольствием, разработку оружия и военных технологий, создание новых отраслей оборонной промышленности, но и на охрану памятников науки и культуры, рациональное использование флоры и фауны.

В монографии детально прописаны сюжеты, связанные с созданием принципиально новых организационных форм взаимодействия власти, военных, учёных и промышленников. Речь идет об Особых совещаниях, Военно-промышленных комитетах, научных обществах при Императорской Академии наук. По мнению авторов, именно они положили начало организации научно-прикладных исследований в масштабах всей страны и обозначили необходимость перехода к системе государственного финансирования исследований, их централизованного планирования и внедрения системы правительственных заказов в науку.

В работе авторы не раз затрагивают вопрос истинного и официального патриотизма, который каждый из деятелей науки и техники понимал по-своему. Так, авторы соглашаются с мнением историка Е.А. Ростовцева, который полагает, что Петербургский университет «на первых порах ограничился переименованием университета из Императорского Петербургского в Императорский Петроградский»⁴. В то же время профессору А.С. Догелю пришлось выступить против исключения из членов университетов германских учёных⁵. Авторы, рассматривая подобные коллизии, подтверждают, что «Первая мировая война дала мощный толчок к освобождению российской науки от доминирующего немецкого влияния»⁶. Например, резко увеличилось количество научных изданий по биологии на русском языке, по мнению авторов, «биологи нашли способ централизованно демонстрировать уровень развития науки в России»⁷.

В результате авторам вполне удалась попытка:

<...> реконструировать противоречивую картину переплетения сложных факторов и мотивов, побуждавших ученых провозглашать необходимость создавать мобилизационную

³ Колчинский Э.И. и др. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 78.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Там же. С. 369.

⁷ Там же. С. 370.

науку и совершать порой удачные, но чаще всего безрезультатные усилия в этом направлении⁸.

Авторам на многочисленных примерах удалось показать, как

<...> шли изменения во взаимодействии науки и власти и как они преломлялись сквозь призму академических интересов, системы личностных и профессиональных, институциональных и коммуникативных связей с другими научными организациями и высшими учебными заведениями⁹.

Вместе с тем, при огромном объёме использованного в монографии фактического материала, авторам не удалось избежать неких спорных оценок. Например, рассказывая о перипетиях в судьбе Психоневрологического института, упоминается, что:

В 1915 г. в состав Психоневрологического института в качестве клинической базы были переданы терапевтические отделения двух больниц: больницы им. Петра Великого и Петропавловской. Вероятнее всего, это было сделано для обеспечения данных лечебных учреждений квалифицированными врачебными кадрами. В то же время передача упрочила положение Психоневрологического института как одного из основных медицинских центров страны¹⁰.

Хотелось бы заметить, что с 1899 г. Петропавловская больница являлась главной клинической базой Женского медицинского института, открывшего двери для слушательниц в сентябре 1897 г. Именно Петербургский Женский медицинский институт обеспечивал Петропавловскую больницу «квалифицированными врачебными кадрами». При этом медицинский факультет ПНИ начал свою работу только в 1911–1912 гг. и к 1915 г. не мог претендовать на роль «основных медицинских центров страны».

В заключение авторы подчёркивают, что публикация настоящей монографии не ставит точку в целом ряде дискуссионных вопросов, порожденных как событиями Первой мировой войны, так и революциями 1917 г., связанных с трансформацией взаимоотношений научного сообщества и власти: «Стали ли они прелюдией к “укрощению строптивого”, склонного к оппозиции сообщества ученых или, напротив, открыли путь к их более тесному симбиозу с властью?»¹¹.

Фактически в то время закладывался фундамент того, что через несколько десятилетий будут именовать Военно-промышленным комплексом. Можно согласиться с утверждением авторов, что именно «удачный опыт симбиоза ученых, наделенных властными полномочиями, промышленников и военных стал основой создания мобилизационной науки в СССР», в результате чего «деятельность ученых в годы первой мировой войны способствовала превращению науки в важнейший приоритет государственной поли-

⁸ Там же. С. 534.

⁹ Там же. С. 534.

¹⁰ Там же. С. 205.

¹¹ Там же. С. 535.

тики»¹². Опыт мобилизации науки, приобретённый российским научным сообществом в Первую мировую войну, оказался особенно востребован во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Авторы констатируют: «Как Первая мировая война предопределила дальнейшее развитие России, так и советская модель организации науки в значительной степени сформировалась в 1914–1917 гг.»¹³.

В заключение следует констатировать, что главная цель книги, состоявшая в том, чтобы показать пути адаптации академического сообщества к социально-политическим реалиям, порожденным Первой мировой войной и русскими революциями 1917 г., успешно решена авторами рецензируемой монографии.

A book about the “forgotten war”

IGOR V. ZIMIN, ALEXANDER A. ZHURAVLYEV

Pavlov First Saint-Petersburg State Medical University, Saint Petersburg, Russia;
crane_62@mail.ru

Book review: Kolchinsky E.I., Zenkevich S.I., Ermolaev A.I., Retunskaya S.V., Samokish A.V. “The Mobilisation and Reorganisation of Russian Science and Education during World War I” (Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2018. ISBN 978-5-4469-1515-6)

¹² Там же. С. 545.

¹³ Там же. С. 545.